

ГЛАВА II.

Стрѣлецкій бунтъ 1698 года.

СТРѢЛЫЦЫ не разъ, при прежнихъ безпорядкахъ, служили орудіемъ возстаній. Они усиливали шайки Стеньки Разина; въ 1682 году, они, въ борьбѣ придворныхъ партій, взяли на себя роль палачей; на ихъ помощь рассчитывалъ Шакловитый въ 1689 году, для спасенія Софьи въ борьбѣ съ Петромъ; при содѣйствіи стрѣльцовъ, Соковнинъ, Цыклеръ и Пушкинъ надѣялись погубить царя въ 1697 году.

По мѣрѣ необходимости преобразованія войска, привилегіи стрѣльцовъ должны были рушиться. Петръ имѣлъ право требовать, чтобы «русскіе янычары» превратились въ настоящихъ солдатъ, безусловно покорныхъ государственной власти. Поэтому ихъ положеніе, основанное на прежнихъ льготахъ, становилось сначала шаткимъ, наконецъ, невозможнымъ. Еще до катастрофы стрѣleckаго войска, современники могли видѣть, что оно не имѣло будущности; не даромъ Соковнинъ, хорошо понимавшій неизбежность гибели стрѣльцовъ, замѣтилъ, что они, рѣшаясь на отчаянныя дѣйствія, ничѣмъ не рискуютъ, потому что, такъ или иначе, «впредь имъ погибнуть же».

На маневрахъ, устраиваемыхъ Петромъ до Азовскихъ походовъ, стрѣлцкое войско обыкновенно бывало побѣждаемо. Нѣтъ сомнѣнія, что новые солдатскіе полки, организованные по западно-европейскимъ образцамъ, превосходили стрѣльцовъ знаніемъ дѣла, дисциплиною, ловкостью. Во время Азовскихъ походовъ, стрѣлцкіе полки, строптивостью, своеволіемъ, неохотою къ военнымъ дѣйствіямъ, не разъ возбуждали крайній гнѣвъ царя. Бывали случаи

Воскресенскій (Новый Іерусалимъ) монастырь въ началѣ XVIII столѣтія.

Съ современнаго гравированнаго вида.

строгаго наказанія стрѣльцовъ за непослушаніе ¹⁾). При всемъ томъ, стрѣлцкіе полки, особенно во время перваго Азовскаго похода, понесли страшныя потери. Офицеры не щадили жизни солдатъ, подвергая ихъ, иногда безъ особенной необходимости, разнымъ опасностямъ. Многіе стрѣльцы гибли, вслѣдствіе недостатковъ военной администраціи. Не безъ основанія стрѣлцкое войско считало себя

¹⁾ Дневникъ Гордона, II, 593, 598.

оскорбленнымъ невниманіемъ начальства; неудовольствіе и ропотъ между стрѣльцами были общимъ и частымъ явленіемъ.

Правительство знало о настроеніи умовъ въ стрѣлцкомъ войскѣ. Какъ смотрѣли близкіе къ царю люди на стрѣльцовъ, на ихъ отношенія къ правительству, всего лучше видно изъ письма Виніуса къ Петру, гдѣ сказано, что, по полученіи извѣстія о взятіи Азова, даже и въ стрѣлецкихъ слободахъ радовались ¹⁾).

Въ прежнее время походы для войска бывали менѣе тяжелыми. Стрѣльцы, по временамъ, могли возвращаться домой, къ своимъ семействамъ. Теперь же, послѣ взятія Азова, ихъ задержали тамъ для охраны города, потомъ заставили работать надъ его укрѣпленіями. Послѣ дѣла Цыклера, Соковнина и Пушкина, тѣ стрѣлцкіе полки, которые находились въ то время въ Москвѣ, были отправлены въ отдаленныя мѣста, для охраны южной границы противъ набѣговъ татаръ, или къ польско-литовской окраинѣ, для наблюденія за Польшей. Однѣ лишь жены и дѣти стрѣльцовъ оставались въ Москвѣ и ея окрестностяхъ.

Такимъ образомъ, положеніе стрѣльцовъ становилось все хуже и хуже. Нѣсколько лѣтъ сряду продолжалась непрерывно утомительная служба. Постоянно повторялись жалобы стрѣльцовъ на суровое и невнимательное съ ними обращеніе, на чрезмѣрную строгость начальниковъ. Можно было ожидать вспышки, взрыва.

Во время бунта 1698 года, стрѣльцами были высказаны, между прочимъ, слѣдующія жалобы: «будучи подъ Азовомъ, умышленіемъ еретика-иноземца, Францка Лефорта, чтобы благочестію великое препятствіе учинить, чинъ ихъ, московскихъ стрѣльцовъ, подвелъ онъ, Францко, подъ стѣну безвременно, и, ставя въ самыхъ нужныхъ въ крови мѣстѣхъ, побито ихъ множество; его-жъ умышленіемъ дѣланъ подкопъ подъ ихъ шанцы, и тѣмъ подкопомъ онъ ихъ же побилъ человекъ съ 300 и больше» и пр. Въ этомъ же тонѣ идутъ и дальнѣйшія жалобы на Лефорта, который будто хотѣлъ «до конца погубить всѣхъ стрѣльцовъ», который виноватъ, что они, идя степью, «ѣли мертвечину и преможество ихъ пропало». Наконецъ, сказано въ челобитной: «всему народу чинится наглость, слышно, что идутъ къ Москвѣ нѣмцы, и то знатно послѣдую брадобритію и табаку во всесовершенное благочестія испроверженіе» ²⁾).

Какъ видно, исходною точкою жалобъ стрѣльцовъ были страданія ихъ во время походовъ; въ сущности же, въ нихъ слы-

¹⁾ Соловьевъ, XIV, 263.

²⁾ Устряловъ, III, 171—172.

пится ненависть къ иностранцамъ, считавшимся виновниками всѣхъ бѣдствій.

Эта ненависть существовала издавна. Впродолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій до стрѣleckаго бунта 1698 года, Нѣмецкая слобода служила предметомъ общаго негодованія. Уже въ самомъ началѣ XVII вѣка, при каждомъ случаѣ ослабленія государственной власти, жизнь иностранцевъ, проживавшихъ въ Москвѣ, находилась въ крайней опасности. Нападенія на «нѣмцевъ» повторялись и въ смутное время, при Борисѣ и Лжедимитріѣ, и при разныхъ бунтахъ во время царствованія Алексѣя Михайловича, и во время террора, въ 1682 году.

Эпоха Петра не могла не разжечь еще болѣе ненависти къ иностранцамъ. Въ дневникѣ Корба, пребывавшаго въ Россіи въ 1698 и 1699 годахъ, разсказаны многіе случаи, свидѣтельствующіе объ ужасномъ раздраженіи народа противъ нѣмцевъ. Даже государственные люди, каковы были Ордынъ-Нащокинъ и др., иногда возставали противъ введенія иноземныхъ обычаевъ. Юрій Крижаничъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ ратовалъ противъ «ксеинomanіи», т. е. противъ приглашенія иностранцевъ въ Россію, указывая при этомъ на заслуживающій, по его мнѣнію, одобренія примѣръ китайскаго правительства, не впускающаго иностранцевъ въ страну. Въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ сторонниковъ Петра, напримѣръ, Ивана Посошкова, Стефана Яворскаго и др., также встрѣчаются сильныя выходки противъ иностранцевъ.

Не мудрено, что въ то время, когда царь бывалъ постояннымъ гостемъ у еретиковъ-нѣмцевъ, когда онъ учился у Лефорта и Гордона, когда эти послѣдніе считались виновниками Азовскихъ походовъ и путешествія царя въ западную Европу, гнѣвъ народа, сторонниковъ прошедшаго, представителей привилегированнаго войска, обрушился на «еретиковъ», сдѣлавшихся пріятелями, совѣтниками, наставниками царя.

Весьма важнымъ источникомъ для исторіи стрѣleckаго бунта служатъ донесенія находившагося въ это время въ Россіи императорскаго посла Гваріента, а также записки находившагося въ его свитѣ Корба. Здѣсь именно обращается особенное вниманіе на національное значеніе этого событія.

Въ своемъ донесеніи отъ 17-го октября 1698 года, слѣдовательно въ то время, когда путемъ страшнаго розыска правительство узнало о размѣрахъ и значеніи бунта и когда уже начались казни преступниковъ, Гваріентъ писалъ императору слѣдующее: «вліяніе Лефорта, внушеніе царю мысли о поѣздкѣ за границу и

другіе такого рода преступные факты ¹⁾ вывели изъ терпѣнія стрѣльцовъ; нѣмцевъ, проживающихъ въ Московскомъ государствѣ въ большомъ числѣ, ненавидятъ тѣмъ болѣе, что царь чтитъ ихъ, оказывая русскимъ презрѣніе; поэтому стрѣльцы рѣшились сжечь Нѣмецкую слободу и перерѣзать всѣхъ иностранцевъ». Ко всему этому, однако, Гваріентъ прибавляетъ: правленіе бояръ, во время пребыванія царя за границею, оказалось тягостнымъ и произвольнымъ, такъ что многіе люди, чрезъ насилие при собираніи налоговъ, оскудѣли; поэтому въ толпѣ было рѣшено убить нѣкоторыхъ бояръ. Наконецъ, Гваріентъ еще упоминаетъ о намѣреніи возвести на престолъ царевну Софью и назначить Голицына министромъ ²⁾).

Все это исполнѣ согласуется съ результатами допросовъ преступниковъ. Во всѣхъ взбунтовавшихся стрѣлецкихъ полкахъ только и было рѣчи, что государя за моремъ не стало, а царевича хотятъ удушить бояре; только и думы было среди стрѣльцовъ—идти къ Москвѣ, бояръ перебить, Кокуй, т. е. Нѣмецкую слободу, разорить, нѣмцевъ перерѣзать, дома разграбить ³⁾).

Стрѣльцы мечтали о чемъ-то похожемъ на Сицилійскую вечерню, о борьбѣ низшихъ слоевъ противъ высшихъ, о перемѣнѣ на престолѣ. Поводомъ къ такой революціонной программѣ служило суrowое съ ними обращеніе правительства.

При страшномъ стрѣлечкомъ розыскѣ, Петръ не столько обращалъ вниманіе на ненависть стрѣльцовъ къ иноземцамъ, сколько на вопросъ, намѣревались ли бунтовщики возвести на престолъ царевну Софью, или нѣтъ, и въ какой мѣрѣ принимали участіе въ этомъ дѣлѣ сама царевна и ея сестры.

Нельзя сказать, чтобы произведенное съ величайшею строгостью слѣдствіе привело въ ясность эти вопросы. Преданіе, какъ кажется, приписываетъ царевнѣ Софьѣ слишкомъ важную долю въ предпріятіяхъ стрѣльцовъ.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что и послѣ государственнаго переворота 1689 года между Петромъ и Софьею сохранились чрезвычайно натянутыя отношенія. Царевна содержалась подъ арестомъ. Рассказываютъ, что Петръ, до отъѣзда за границу, побывалъ у сестры въ кельѣ для прощанія, но нашелъ ее до того надменною, холодною и непримиримою, что въ крайнемъ волненіи вышелъ изъ

¹⁾ Strafbare Proceduren.

²⁾ Устряловъ, III, 628.

³⁾ Тамъ-же, III, 161.

Новодѣвичьяго монастыря ¹⁾. Впрочемъ, анекдотическія черты такого рода не заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Еще менѣе вниманія заслуживаетъ другой разсказъ, будто преданные царевнѣ стрѣльцы, подкопавшись подѣ монастырь, разломали снизу полъ въ той комнатѣ, гдѣ она содержалась, увели ее подземнымъ ходомъ и пр. ²⁾.

Зато нельзя сомнѣваться въ существованіи тайныхъ сношеній между Софьею и стрѣльцами. Положеніе Софьи и ея сестеръ, послѣ 1689 года, было очень тяжело. Царевны оказались въ опалѣ и беззащитными. Онѣ не могли не желать какой-либо перемѣны. До нихъ доходили слухи о всеобщемъ ропотѣ. Недовольныя стрѣльчихи сообщали служанкамъ царевенъ о повсемѣстномъ волненіи. Въ апрѣлѣ 1697 года, даже между солдатами Лефортова полка шла рѣчь, чтобы подать челобитную царевнѣ Софьѣ объ улучшеніи ихъ положенія. Многія стрѣльчихи, по особой благосклонности постельницъ, бывали въ хоромѣхъ царевенъ почти ежедневно, приносили городскія вѣсти и сами разглашали по слободамъ, что имъ скажутъ въ Верху ³⁾.

Особенно опасными сдѣлались четыре стрѣлецкіе полка: Чубарова, Колзакова, Чернаго и Гундертмарка. Они были отправлены въ Азовъ. Когда на смѣну имъ были посланы другіе полки, они надѣялись, что имъ будетъ дозволено возвратиться въ Москву; однако, вдругъ имъ приказали идти въ Великія-Луки, къ Литовской границѣ. Они повиновались, но многимъ стало невыносимо: въ мартѣ 1698 года, 175 человѣкъ самовольно ушли изъ Великихъ-Лукъ въ Москву, бить челомъ отъ лица всѣхъ товарищей, чтобы ихъ отпустили по домамъ. Такой случай самовольнаго побѣга требовалъ строгаго взысканія. Однако, бояре, на которыхъ лежала въ этомъ отношеніи тяжелая отвѣтственность, дѣйствовали слабо, нерѣшительно. Они велѣли арестовать четырехъ выборныхъ, но стрѣльцы отбили своихъ товарищей, буянили, не хотѣли возвратиться къ своимъ полкамъ. Гордонъ разсказываетъ въ своемъ дневникѣ, какъ вельможи страшно перепугались, между тѣмъ какъ онъ самъ не придавалъ этому эпизоду особеннаго значенія, указывая на слабость партіи недовольныхъ и на отсутствіе въ ней передового человѣка. При всемъ томъ, однако, онъ принялъ нѣко-

¹⁾ См. разсказы, собранные Карабанонымъ въ «Русской Старинѣ», II, стр. 585.

²⁾ Штелинь, «Анекдоты о Петрѣ Великомъ», I, 35—37. Напрасно Соловьевъ, XIV, 263, замѣчаетъ: «мы не имѣемъ никакого права отвергнуть это извѣстіе»;—при розыскѣ нѣтъ и слѣдовъ этого эпизода.

³⁾ Соловьевъ, XIV, 266. Устряловъ, III, 157.

торыя мѣры предосторожности. На этотъ разъ дѣло кончилось скоро. Стрѣльцовъ уговорили вернуться къ своимъ полкамъ.

Изъ бумагъ слѣдственнаго дѣла, однако, видно, что во время пребыванія своего въ Москвѣ стрѣльцы имѣли сношенія съ царевнами. Два стрѣльца, Проскуряковъ и Тума, успѣли чрезъ знакомую имъ стрѣльчиху доставить царевнамъ письмо съ челобитною о стрѣleckихъ нуждахъ. Содержаніе письма и челобитной неизвѣстно; полагали, однако, что стрѣльцы звали Софью на царство. Передавали и содержаніе отвѣта царевны, въ которомъ она приглашала стрѣльцовъ идти къ Москвѣ и изъявляла готовность исполнить ихъ желаніе. Обо всемъ этомъ мы знаемъ лишь изъ показаній въ застѣнкѣ стрѣльцовъ и прочихъ обвиненныхъ. Письмо Софьи не сохранилось ни въ подлинникѣ, ни въ копіи. Поэтому нѣтъ возможности судить положительно о мѣрѣ участія Софьи въ бунтѣ ¹⁾).

Также неизвѣстно, какимъ образомъ распространилась молва, что государя за моремъ не стало. Она быстро разнеслась по всей Москвѣ и привела въ недоумѣніе бояръ-правителей, которые, не получивъ три-четыре заграничныя почты, за весеннею распутицею, крѣпко встревожились и перепугались. Петръ, крайне раздраженный малодушіемъ бояръ, отвѣчалъ на письмо Ромодановскаго, отъ 8-го апрѣля 1698 года, слѣдующее: «въ томъ же письмѣ объявленъ бунтъ отъ стрѣльцовъ, и что вашимъ правительствомъ и службою солдатъ усмирить. Зѣло радуемся; только зѣло мнѣ печально и досадно на тебя, для чего ты сего дѣла въ розыскъ не вступилъ. Богъ тебя судить! Не такъ было говорено на загородномъ дворѣ въ сѣняхъ ²⁾». А буде думаете, что мы пропали (для того, что почты задержались) и для того боясь, и въ дѣло не вступаешь; воистину, скорѣе бы почты вѣсть была; только, слава Богу, ни одинъ не умеръ: всѣ живы. Я не знаю, откуда на васъ такой страхъ бабій! Мало-ль живеть, что почты пропадаютъ? А се въ ту пору была и половодь. Неколи ничего ожидать съ такою трусостью! Пожалуй, не осердись: воистину отъ болѣзни сердца писалъ» ³⁾. И Виніуса, который въ крайнемъ безпокойствѣ писалъ къ Лефорту о замедленіи почты, Петръ упрекнулъ въ трусости, замѣчая между прочимъ: «я было надѣялся, что ты станешь всѣмъ разсуждать бывалостью своею и отъ мнѣнія отводить: а ты самъ предводитель имъ въ яму» ⁴⁾).

¹⁾ Устряловъ, III, 159.

²⁾ Изъ этого замѣчанія можно заключить, что до отъѣзда царя за границу между нимъ и Ромодановскимъ было говорено о мѣрахъ на случай бунта.

³⁾ Устряловъ, III, 439.

⁴⁾ Тамъ-же, III, 440.

Разглашеніе молвы о кончинѣ царя могло содѣйствовать усиленію мятежнаго духа. Но появились и другіе слухи. Разсказывали, будто царевна Марѳа Алексѣевна велѣла своей постельницѣ Клушиной шепнуть одной стрѣльчихѣ: у насъ въ Верху позамялось: хотѣли было бояре государя-царевича удушить. Хорошо, кабы подошли стрѣльцы». Передавали далѣе, что бояре царю Евдокію «по щекамъ били» и пр.¹⁾

Все это происходило весною 1698 года; но настѣящій бунтъ начался только черезъ нѣсколько недѣль. Стрѣлецкіе полки подъ начальствомъ Ромодановскаго сына стояли близъ Торопца. Сюда послѣшили прійти стрѣльцы, бывшіе въ Москвѣ и находившіеся тамъ въ сношеніяхъ съ царевнами. Правительство издало въ Москвѣ указъ отъ 28 мая, которымъ объявлялось, что стрѣльцы должны оставаться въ пограничныхъ городахъ, а бѣжавшихъ въ Москву стрѣльцовъ велѣно сослать въ малороссійскіе города на вѣчное житье. Когда, однако, около пятидесяти бѣжавшихъ въ Москву стрѣльцовъ были арестованы для отправленія въ ссылку, товарищи отбили ихъ. Волненіе быстро усиливалось. Ромодановскій не имѣлъ возможности схватить виновныхъ. Разумѣется, бѣгуны, по инстинкту самосохраненія, должны были всячески возбуждать къ бунту остальныхъ. Наконецъ мятежъ вспыхнулъ. Одинъ изъ ходившихъ въ Москву, стрѣлецъ Масловъ, взобравшись на телѣгу, началъ читать письмо отъ царевны Софьи, въ которомъ она убѣждала стрѣльцовъ прійти къ Москвѣ, стать таборомъ подъ Новодѣвичимъ монастыремъ и просить ее снова на державство, а если солдаты станутъ не пускать ихъ въ Москву, то биться съ ними.

Стрѣльцы порѣшили: «идти къ Москвѣ, разорить Нѣмецкую слободу и побить нѣмцевъ за то, что отъ нихъ православіе законѣло, побить и бояръ; послать и въ иные полки, чтобъ и они шли къ Москвѣ для того, что стрѣльцы отъ бояръ и отъ иноземцевъ погибають; и къ донскимъ козакамъ вѣдомость послать; а если царевна въ правительство не вступится и по коихъ мѣстъ возмужаетъ царевичъ, можно взять и князя Василія Голицына: онъ къ стрѣльцамъ и въ крымскихъ походахъ, и на Москвѣ, милосердъ былъ, а по коихъ мѣстъ государь здравствуетъ, и намъ Москвы не видать; государя въ Москву не пустить и убить за то, что почалъ вѣровать въ нѣмцевъ, сложилися съ нѣмцами» и пр.²⁾

¹⁾ Устряловъ, III, 160.

²⁾ Соловьевъ, XIV, 271.

Когда въ Москвѣ узнали, что стрѣльцы идутъ къ столицѣ, то на многихъ жителей напалъ такой страхъ, что они съ имуществомъ бѣжали по деревнямъ. И теперь особенно перепугались высшіе саны и новники, тотчасъ рѣшившіе въ совѣтѣ отправить на встрѣчу приближавшимся стрѣльцамъ отрядъ войска изъ конницы и пѣхоты. Начальство надъ этимъ войскомъ было ввѣрено боярину Шеину съ двумя генералами: Гордономъ и княземъ Кольцовымъ-Масальскимъ. Душою всѣхъ дѣйствій былъ Гордонъ.

Узнавъ, что стрѣльцы спѣшатъ занять Воскресенскій монастырь, Гордонъ старался предупредить ихъ и отрѣзать имъ дорогу къ этому важному мѣсту. Эта цѣль была достигнута. Если бы стрѣльцы успѣли овладѣть монастыремъ, то, подъ защитой его твердынь, могли бы разбить войско, оставшееся вѣрнымъ Петру. Встрѣтившись съ мятежниками, Гордонъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ ихъ станъ, стараясь убѣжденіями и угрозами отклонить ихъ отъ бунта. Однако стрѣльцы, не сознавая опасности своего положенія и не умѣя оцѣнить превосходства силъ и средствъ, находившихся въ распоряженіи Гордона, надѣялись на успѣхъ, повторяли свои жалобы и понапрасну теряли время, такъ что Гордонъ, не упуская изъ виду ничего, что могло служить ему для обороны и быть обращено во вредъ врагамъ, занялъ весьма выгодныя позиціи. Особенно искусно разставилъ пушки полковникъ Крагге, такъ что, успѣхъ битвы, сдѣлавшейся неминуемою, принадлежалъ главнымъ образомъ артиллеріи.

18-го іюня, произошла развязка. Утромъ въ этотъ день Гордонъ еще разъ отправился въ станъ мятежниковъ и со всевозможнымъ краснорѣчіемъ убѣждалъ ихъ къ покорности, но тщетно. Стрѣльцы отвѣчали, что или умрутъ, или будутъ въ Москвѣ. Гордонъ повторилъ имъ, что къ Москвѣ ихъ не пропустятъ. Истощивъ всѣ средства къ мирному соглашенію, Гордонъ открылъ военныя дѣйствія и велѣлъ сдѣлать залпъ изъ 25 орудій; однако ядра перелетѣли чрезъ головы стрѣльцовъ. Завязалось настоящее сраженіе, продолжавшееся не болѣе часа. Почти всѣ бунтовщики, послѣ данныхъ по нимъ четырехъ залповъ, которые произвели не малое опустошеніе въ ихъ рядахъ, были окружены, переловлены и заключены въ Воскресенскій монастырь.

Въ розыскѣ, начавшемся тотчасъ же послѣ битвы, участвовалъ и Гордонъ. Къ сожалѣнію, его письмо къ царю съ донесеніемъ о всемъ случившемся до насъ не дошло ¹⁾. Показанія подвергнутыхъ

¹⁾ Устряловъ, III, 176—178.

пыткѣ стрѣльцовъ не компрометировали царевны Софьи: ни одинъ изъ нихъ не намекнулъ про ея письмо. По распоряженію бояръ, было повѣшено 56 стрѣльцовъ; но остальныхъ ожидалъ еще болѣе грозный розыскъ, которымъ руководилъ самъ царь.

Получивъ въ Вѣнѣ, отъ князя-кесаря Ромодановскаго, извѣстіе о бунтѣ и движеніи стрѣльцовъ къ Москвѣ, Петръ отвѣчалъ ему: «пишетъ вапа милость, что сѣмя Ивана Михайловича ростеть: въ чемъ прошу васъ быть крѣпкимъ; а кромѣ сего ничѣмъ сей огонь угасить не можно. Хотя зѣло намъ жалъ нынѣшняго полезнаго дѣла (поѣздки въ Венецію), однако сей ради причины, будемъ къ вамъ такъ, какъ вы не чаете».

Очевидно, царь былъ страшно взволнованъ. Понятіе о «сѣмени Милославскаго» для него было тѣсно связано съ борьбою противъ него самого, противъ дѣла преобразованія. Можно было ожидать чрезвычайно строгихъ мѣръ. Петръ считалъ стрѣльцовъ лишь орудіемъ какой-то враждебной ему партіи. Его занималъ вопросъ о томъ, кто руководилъ стрѣльцами, кто подкапывался подъ его престолъ. Отъ раздраженнаго царя, являвшагося также представителемъ партіи, нельзя было ожидать спокойной, безпристрастной расправы. Не даромъ онъ считалъ стрѣльцовъ сторонниками реакціонныхъ стремленій. Единомышленники царя раздѣляли его ненависть къ стрѣльцамъ. Виніусъ писалъ Петру: «ни одинъ не ушелъ; по розыску, пуціе изъ нихъ посланы въ путь иной, темной жизни съ возвѣщеніемъ своей братьѣ такимъ же, которые, мною, и въ адъ посажены въ особыхъ мѣстахъ для того, что, чаю, и сатана боится, чтобъ въ адѣ не учинили бунту и его самого не выгнали изъ его державы» ¹⁾.

Въ концѣ августа, Петръ прибылъ въ Москву. Около половины сентября, начался розыскъ подъ личнымъ наблюденіемъ царя, рѣшившагося дѣйствовать строже прежнихъ слѣдователей, занимавшихся этимъ дѣломъ ²⁾.

Съ давнихъ поръ, уголовное судопроизводство въ московскомъ государствѣ отличалось жестокостью, громаднымъ и сложнымъ приборомъ застѣнковъ и палачей. Существовали разные способы истязаній преступниковъ. Нельзя сказать, чтобы Петръ, участвуя лично въ розыскѣ и руководя имъ, прибавилъ что-либо къ издавна существовавшимъ пріемамъ практики уголовного террора. По случаю коломенскаго бунта, 1662 года, число жертвъ, подвергнутыхъ ужас-

¹⁾ Соловьевъ, XIV, 257.

²⁾ Гордонъ, III, 216.

нымъ пыткамъ и казнямъ, доходило до нѣсколькихъ тысячъ. Тогда, однако, не нашлось современника, который начертить бы столь подробно и рельефно мрачную картину этого печальнаго эпизода, какъ это было сдѣлано Корбомъ относительно ужасной драмы, происходившей осенью 1698 года. Петръ въ сущности не былъ строже своихъ предшественниковъ, не былъ строже самого народа, который въ подобныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, въ маѣ 1682 г., разыгрывалъ роль палача, замучивая самыми звѣрскими истязаніями доктора фонъ-Гадена, Ивана Нарышкина и др. При всемъ томъ, розыскъ 1698 года былъ ужасенъ, во первыхъ, по громадному числу истязуемыхъ и казненныхъ, во вторыхъ, по многимъ случаямъ повторенія пытки надъ лицами, уже не разъ и ужасно пострадавшими, въ третьихъ—потому, что въ числѣ несчастныхъ находилось не мало женщинъ, въ четвертыхъ же, въ особенности, по личному присутствію при всѣхъ этихъ ужасахъ вѣнценосца.

Однако непосредственное, самоличное участіе Петра въ дѣлѣ розыска въ данномъ случаѣ соответствовало не только нѣкоторымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ всего событія, напр., опасности, грозившей царю лично отъ царевны Софьи, но еще гораздо болѣе индивидуальности, нраву, страсти къ личной инициативѣ царя. Онъ обыкновенно зналъ обо всемъ, заботился обо всемъ, участвовалъ во всѣхъ видахъ труда, строилъ корабли наравнѣ съ плотниками, дѣйствовалъ во время битвы въ качествѣ обыкновеннаго артиллериста, на морѣ служилъ матросомъ, при вопросахъ, касавшихся законодательства и администраціи, входилъ во всѣ частности. Такимъ образомъ, онъ, когда дѣло шло о стрѣлцкомъ розыскѣ, невольно долженъ былъ участвовать во всѣхъ подробностяхъ дѣла, руководить допросами, присутствовать при пыткахъ и казняхъ.

Притомъ, нельзя не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство. На царѣ лежала тяжелая отвѣтственность. Дѣло преобразования находилось въ нѣкоторой опасности. Тѣ лица, которыя во время пребыванія Петра за границею управляли государствомъ, не сумѣли, по его мнѣнію, оцѣнить мѣру опасности, грозившей государству со стороны стрѣлцкаго бунта. Пользуясь одновременно находившеюся въ его рукахъ безусловною, неограниченною властью, а также и безъ того ужасными способами уголовного судопроизводства, царь, не безъ личнаго раздраженія и гнѣва, приступилъ къ розыску. Поэтому нельзя удивляться, что при такихъ условіяхъ судебное слѣдствіе походило нѣсколько на политическую мѣру въ отчаянной борьбѣ съ противниками, что наказаніе побѣжден-

ныхъ получило характеръ мести, что высшій судья, пренебрегая своимъ достоинствомъ какъ государя, походилъ на палача.

О впечатлѣніи, произведенномъ на современниковъ стрѣльцкимъ розыскомъ, можно судить по нѣкоторымъ замѣткамъ въ запискахъ, донесеніяхъ, дневникахъ Корба, Гваріента, Желябужскаго, Гордона. О размѣрахъ кровопролитія, истязаній и казней свидѣлствуютъ архивныя данныя, которыя были изслѣдованы Устряловымъ и Соловьевымъ. Впродолженіе нѣсколькихъ недѣль, по нѣсколькимъ часамъ ежедневно, не прекращалась работа судей и палачей въ застѣнкахъ, которыхъ, по современнымъ источникамъ, насчитывалось до 14 (а по одному извѣстію—до 20). Патріархъ Адріанъ вздумалъ умѣрить гнѣвъ царя, укротить его строгость и, поднявъ икону Богородицы, отправился въ Преображенское къ Петру, который, однако, завидѣвъ патріарха, закричалъ ему: «къ чему эта икона? развѣ твое дѣло приходитъ сюда? убирайся скорѣе и поставь икону на свое мѣсто. Быть можетъ, я побольше тебя почитаю Бога и пресвятую Его Матерь. Я исполняю свою обязанность и дѣлаю богоугодное дѣло, когда защищаю народъ и казню злодѣевъ, противъ него умышлявшихъ» ¹⁾.

Слѣдствіе привело лишь къ общимъ результатамъ. Оказалось невозможнымъ опредѣлить въ точности мѣру участія Софьи въ бунтѣ. Вопросъ о мятежномъ посланіи ея къ стрѣльцамъ долженъ и въ настоящее время считаться открытымъ ²⁾. Гордонъ былъ правъ, не придавая стрѣльцкому бунту особеннаго значенія, потому что стрѣльцамъ не доставало предводителя.

Въ нѣкоторыхъ разсказахъ иностранцевъ, находившихся въ то время въ Москвѣ, говорится объ участіи въ дѣлѣ стрѣльцовъ нѣкоторыхъ вельможъ, о пыткахъ кое-какихъ бояръ и т. п. ³⁾. Эти свѣдѣнія не подтверждаются архивными матеріалами.

Число казненныхъ въ сентябрѣ и октябрѣ доходило до тысячи; то были почти исключительно стрѣльцы, или другія лица низшаго сословія, а также нѣкоторые священники, участіе которыхъ въ бунтѣ заключалось главнымъ образомъ въ томъ, что они до битвы при Воскресенскомъ монастырѣ отслужили молебенъ. Ихъ наказали особенно строго, медленною смертию—колесованіемъ и проч. ⁴⁾. Въ февралѣ 1699 года, было казнено еще нѣсколько сотъ человѣкъ.

¹⁾ Korb, Diarium, 6—7 окт. 1698.

²⁾ Устряловъ и Соловьевъ не сомнѣвались въ существованіи письма. Аристовъ отрицаетъ вину царевны.

³⁾ Плейеръ въ донесеніи отъ 10-го декабря 1698 г.—Перри, нѣм. изд., 290.

⁴⁾ Устряловъ, III, 405—407.

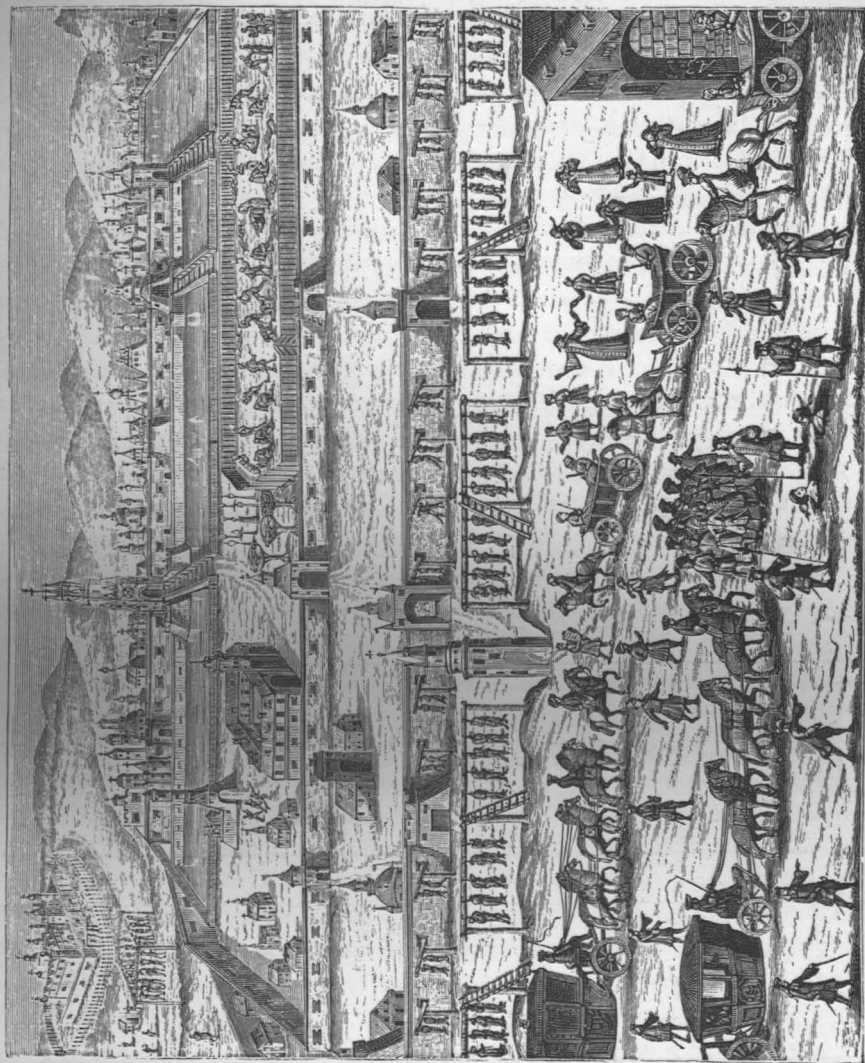
Вопросъ о самоличномъ, собственноручномъ участіи Петра въ казняхъ долженъ оставаться открытымъ. Гваріентъ и Корбъ рассказывали объ этомъ не какъ очевидцы, а по слухамъ. Въ запискахъ Желябужскаго, Гордона и прочихъ современниковъ не говорится объ этомъ. Соловьевъ вѣрить разсказу австрійскихъ дипломатовъ, что Петръ собственноручно отрубилъ головы пятерымъ стрѣльцамъ, что онъ заставлялъ Ромодановскаго, Голицына, Меншикова дѣлать тоже самое. Другіе историки, напр., Устряловъ, Посселятъ, быть можетъ, слишкомъ рѣшительно, отрицаютъ возможность подобныхъ фактовъ.

Какъ-бы то ни было, извѣстіе объ ужасахъ въ Москвѣ произвело въ западной Европѣ чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе. Отзывъ епископа Бѣрнета о Петрѣ Великомъ, приведенный нами выше, въ главѣ о путешествіи Петра, составленъ подъ вліяніемъ разсказовъ объ ужасахъ стрѣлецкаго розыска. Лейбницъ, имѣвшій весьма высокое понятіе о способностяхъ Петра, о его склонности къ реформамъ, стремленіи къ просвѣщенію, въ письмѣ къ Витзену, порицалъ образъ дѣйствій царя и выразилъ опасеніе, что такой терроръ вмѣсто того, чтобы укротить мятежный духъ въ народѣ, скорѣе будетъ содѣйствовать распространенію въ странѣ всеобщей ненависти къ царю. Къ этому Лейбницъ прибавилъ: «я отъ души желаю, чтобы Богъ сохранилъ этого государя и чтобы его наслѣдники продолжали начатое имъ дѣло преобразованія». Витзень старался успокоить Лейбница относительно ожидаемыхъ послѣдствій чрезмерной строгости царя, замѣчая: «нѣтъ основанія опасаться какихъ либо враждебныхъ дѣйствій со стороны семействъ казненныхъ преступниковъ; въ Московскомъ государствѣ существуетъ обычай отправлять въ Сибирь и въ прочія самыя отдаленныя мѣста женъ, дѣтей и вообще всѣхъ родственниковъ казненныхъ преступниковъ» ¹⁾.

Спрашивалось: не слѣдовало-ли, напротивъ, ожидать самыхъ опасныхъ послѣдствій отъ такого распространенія наказанія на нѣсколько тысячъ семействъ? Въ дневникѣ Гордона встрѣчается (14-го ноября 1698 года) слѣдующая многозначительная замѣтка: «было запрещено принимать у себя женъ и дѣтей казненныхъ стрѣльцовъ» ²⁾. Такимъ образомъ, тысячи женщинъ, дѣтей, вообще родственниковъ стрѣльцовъ, оказались какъ-бы обреченными на вѣрную гибель. Лишенные средствъ, крова, хлѣба, они уми-

¹⁾ Герье, 29 и 30.

²⁾ Гордонъ, III, 222.

Казнь стрѣльцовъ.

Съ современной гравюры, приложенной къ „Дневнику Корба“.

рали медленною смертію отъ холода и голода, возбуждая своими страданіями гнѣвъ народа на неумолимо строгое правительство.

Къ тому-же, слѣдствіе вообще прекратилось не скоро. Много лѣтъ спустя, именно въ 1707 году, былъ казнень стрѣлецъ Масловъ, сообщившій, лѣтомъ 1698 года, своимъ товарищамъ мнимое или настоящее посланіе къ стрѣльцамъ царевны Софьи ¹⁾).

Кромѣ розыска въ Москвѣ, происходилъ розыскъ и въ Азовѣ. Когда въ Черкасскѣ на Дону узнали о пораженіи стрѣльцовъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ, казаки говорили: «если великій государь къ заговѣнью къ Москвѣ не будетъ, и вѣстей никакихъ не будетъ, то нечего государя и ждать! а боярамъ мы не будемъ служить и царствомъ имъ не владѣть... Москву намъ очищать, а какъ будетъ то время, что идти намъ къ Москвѣ, будемъ и городовыхъ людей съ собою брать и воеводъ будемъ рубить или въ воду сажать». Одновременно съ казаками, начали говорить и стрѣльцы: «отцовъ нашихъ и братьевъ и сродичевъ порубили, а мы въ Азовѣ зачтемъ, начальныхъ людей побьемъ». Одинъ монахъ говорилъ стрѣльцамъ: «дураки вы, что за свои головы не умѣете стоять; васъ и остальныхъ всѣхъ нѣмцы порубятъ, а донскіе казаки давно готовы». Стрѣлецъ Парѣень Тимоѣевъ говорилъ: «когда бунтовалъ Разинъ и я ходилъ съ нимъ-же: еще я на старости тряхну!» а другой стрѣлецъ, Бугаевъ, толковалъ: «стрѣльцамъ ни въ Москвѣ, ни въ Азовѣ житья нигдѣ нѣтъ: на Москвѣ отъ бояръ, что у нихъ жалованье отняли безъ указа; въ Азовѣ отъ нѣмцевъ, что ихъ на работѣ быють и заставляють работать безвременно. На Москвѣ бояре, въ Азовѣ нѣмцы, въ землѣ черви, въ водѣ черти».

Вслѣдъ за азовскимъ, произошелъ еще новый розыскъ. Стрѣлецкій полковой попъ донесъ, что въ Зміевѣ, въ шинкѣ, стрѣльцы толковали о своей бѣдѣ, собирались со всѣми своими полками, стоявшими въ Малороссіи, идти къ Москвѣ. Хотѣли убить боярина Стрѣшнева за то, что у стрѣльцовъ хлѣба убавиль, Шеина за то, что ходилъ подъ Воскресенскій монастырь, Якова Ѳедоровича Долгорукаго

¹⁾ Укажемъ на нѣкоторыя подробности дѣла Маслова въ доказательство того, что пользованіе протоколами, составленными при допросахъ, какъ историческимъ матеріаломъ, требуетъ крайней осторожности. Въ сентябрѣ 1698 года, Масловъ на пыткѣ показалъ, что имѣлъ въ рукахъ письмо царевны и уничтожилъ его; 30-го января 1700 года, онъ показалъ, что отдалъ письмо своему родственнику, Жукову. Послѣдній запирался сначала въ полученіи письма, но на третьей пыткѣ показалъ, что дѣйствительно имѣлъ въ рукахъ это письмо и бросилъ его въ Двину; при слѣдующихъ пыткахъ, однако, онъ опять отрицалъ полученіе письма и проч. Маслову было 6 застѣнковъ, 2 подъема, 97 ударовъ; Жукову—7 застѣнковъ, 4 подъема, 99 ударовъ; онъ былъ женъ головою и пр. Устряловъ, III, 240—242.

за то, что «выбилъ стрѣльцовъ въ дождь и въ слякоть». Стрѣльцы говорили: «чѣмъ было намъ татаръ рубить, пойдемъ къ Москвѣ бояръ рубить» ¹⁾).

Стрѣлецъ Жукова полка, Кривой, содержавшійся въ Вологодской тюрьмѣ, съ звѣрскимъ бѣшенствомъ кричалъ предъ другими колодниками и посторонними людьми: «нынѣ нашу братью, стрѣльцовъ, прирубили, а остальныхъ посылаютъ въ Сибирь: только нашей братьи во всѣхъ сторонахъ и въ Сибири осталось много. И въ Москвѣ у насъ зубы есть, будетъ въ нашихъ рукахъ и тотъ, кто насъ пластаетъ и вѣшалъ. Самому ему торчать на колѣ» ²⁾).

При такихъ обстоятельствахъ, нужно было разъ навсегда покончить съ «русскими янычарами». Послѣ того, какъ, въ началѣ 1697 года, ихъ удалили изъ Москвы и принудили къ пребыванію на пограничныхъ постахъ, они сдѣлались еще болѣе опасными. Въ іюнѣ 1699 года, царь повелѣлъ: «всѣхъ стрѣльцовъ изъ Москвы и Азова распустить по городамъ въ посадъ, куда кто похочетъ; безъ проѣзжихъ листовъ никуда ихъ изъ посадовъ не отпускать». Само собою разумѣется, что ружья, сабли и всѣ казенныя вещи у нихъ были отобраны. Такимъ образомъ, по выраженію Петра, скасовано было 16 полковъ, и московскіе стрѣльцы, разсѣянные по всему государству, изъ царскихъ тѣлохранителей обратились въ посадскихъ. Строго запрещено было принимать ихъ въ солдатскую службу, конечно, изъ опасенія, чтобы ратные люди не заразились ихъ злонравіемъ, и, какъ скоро обнаружилось, что нѣкоторые изъ старыхъ стрѣльцовъ записались въ солдаты, сказываясь посадскими разныхъ городовъ, царь велѣлъ сослать ихъ на каторгу. Скоро исчезли и послѣдніе слѣды прежняго стрѣлецкаго войска ³⁾).

Оставалось покончить съ царевною Софьею. Иностранцы-современники сообщаютъ намъ, что гнѣвъ царя на сестру, по случаю стрѣлецкаго бунта, не имѣлъ предѣловъ. Гваріентъ писалъ о намѣреніи царя, на устроенной нарочно для этой цѣли эстрадѣ, собственноручно убить Софью въ глазахъ всего народа ⁴⁾). Этотъ нелѣпый разсказъ впослѣдствіи былъ часто повторяемъ въ разныхъ видахъ; передавали, что Лефорть убѣдилъ царя отказаться

¹⁾ Соловьевъ, XIV, 281—282.

²⁾ Устряловъ, III, 243.

³⁾ Тамъ-же, III, 244.

⁴⁾ Тамъ-же, III, 630.

отъ столь ужаснаго намѣренія и оставить царевну въ живыхъ; разглашали о чудесномъ спасеніи царевны, уже приговоренной къ смертной казни, какою-то двѣнадцатилѣтнею дѣвочкой, и проч. ¹⁾). Корбъ пишетъ, 11-го октября 1698 года, о рѣшеніи царя предоставить судъ надъ царевною собранію, составленному изъ представителей разныхъ сословій ²⁾). О намѣреніи созвать такой соборъ въ другихъ источникахъ не упоминается ³⁾).

Во время розыска, Софья, на вопросъ о письмѣ, отвѣчала брату: «письма я никакого не посылала, но стрѣльцы могли желать меня на правительство, потому что прежде я была правительницею».

Чтобы уничтожить связь между этимъ прошедшимъ и будущимъ, чтобы впредь никто не могъ желать видѣть её во главѣ правительства, лучшимъ средствомъ было постриженіе. Софья была пострижена подъ именемъ Сусанны и оставлена на житіе въ томъ-же Новодѣвичьемъ монастырѣ, подъ постоянною стражею изъ сотни солдатъ. Сестры ея могли ѣздить въ монастырь только на Свѣтлой недѣлѣ и въ монастырскій праздникъ Смоленской Божіей Матери (28-го іюля), да еще въ случаѣ болѣзни монахини Сусанны. Петръ самъ назначилъ довѣренныхъ людей, которыхъ можно было посылать съ спросомъ о ея здоровьѣ, и приписалъ: «а пѣвчихъ въ монастырь не пускать: поютъ и старицы хорошо, лишь-бы вѣра была, а не такъ, что въ церкви поютъ Спаси отъ бѣдъ, а въ паперти деньги на убійство даютъ» ⁴⁾).

Софья скончалась 3-го іюля 1704 года и была погребена въ церкви Смоленской Богородицы въ Новодѣвичьемъ монастырѣ ⁵⁾).

Царевна Марѳа, находившаяся также въ сношеніяхъ со стрѣльцами, была пострижена въ монахини въ Александровской слободѣ, въ Успенской обители, подъ именемъ Маргариты. Тамъ она скончалась, въ 1707 году ⁶⁾).

¹⁾ «Анекдоты Штелина», III, № 3 (изд. 1830 г.).

²⁾ *Diarium itineris*, 11-го октября 1698 года.

³⁾ Соловьевъ, XIV, 283 и прил. VIII, не сомнѣвается въ фактѣ собора. Указывая на рассказъ Корба, онъ замѣчаетъ: «форма собора ясна: заѣзжій иностранецъ не могъ этого выдумать».

⁴⁾ Соловьевъ, XIV, 283.

⁵⁾ См. надпись на гробницѣ, изъ которой видно, что Софья была пострижена 21-го октября 1698 года; у Устрялова, III, 407—408. О кончинѣ Софьи Ромодановскій писалъ царю; см. Устрялова, IV, 2, 313.

⁶⁾ Устряловъ, III, 237 и 408.

Борьба за престолъ, начавшаяся въ 1682 году, кончилась въ 1698 году катастрофою стрѣльцовъ и царевны Софьи. Петръ вышелъ изъ этой борьбы побѣдителемъ. Со стороны царевны и ея союзниковъ, «русскихъ янычаръ», царю болѣе уже не грозила никакая опасность. Этимъ самымъ, однако, еще не прекратилась борьба съ враждебными царю-преобразователю въ государствѣ и обществѣ элементами. И до стрѣлецкаго розыска Петръ не пользовался популярностью въ народѣ. Ненависть къ неумолимо строгому государю росла, вслѣдствіе кровавой драмы 1698 года. Цѣлые пять мѣсяцевъ трупы казненныхъ стрѣльцовъ не убирались съ мѣстъ казни. Цѣлые пять мѣсяцевъ трупы трехъ стрѣльцовъ, повѣшенныхъ у самыхъ оконъ кельи царевны Софьи, держали въ рукахъ челобитныя, «а въ тѣхъ челобитныхъ написано было противъ ихъ повинки». Все это могло служить нагляднымъ свидѣтельствомъ, чего можно было ожидать отъ грознаго царя, въ случаѣ непослушанія и противодѣйствія его преобразованіямъ.

Въ Москвѣ съ тѣхъ поръ бунта при Петрѣ не было. Зато происходили разныя вспышки въ отдаленныхъ мѣстахъ, гдѣ не было недостатка въ горючемъ веществѣ, въ элементахъ, готовыхъ объявить войну и царю, и правительству, и вообще началамъ порядка и прогресса. Вездѣ были слышны рѣчи недовольныхъ, раздраженныхъ, опальныхъ. Здѣсь и тамъ мятежный духъ выражался въ преступныхъ дѣйствіяхъ. Приходилось продолжать кровавыя упражненія въ застѣнкахъ. Царь оставался побѣдителемъ, но его побѣда была куплена дорогою цѣною: потоками крови и общою ненавистью народа.

